

**Николай
САФОНОВ**

ДВА ДРУГА, ДВЕ СУДЬБЫ...

Начальник матросского клуба капитан-лейтенант Валерий Приёмыхов приоткрыл массивную входную дверь и медленно направился к ступенькам, ведущим вниз, к центральной дороге. Офицер в который раз посмотрел на наручные часы. Минутная стрелка приближалась к цифре двенадцать, а часовая — к пяти. «Хоть бы с паромом никакой оказии не случилось, — мелькнула тревожная мысль у Приёмыхова, — ведь на воде океанской бухты всякое бывает».

И в этот момент, как бы наперекор сомнению офицера, послышался натужный гул мотора уазика. Сделав крутой правый поворот за рубкой памятника Л-16, машина плавно подкатила к входу клуба и остановилась. Из-за распахнувшейся дверцы показался крепко сбитый, выше среднего роста, в форме капитана дальнего плавания мужчина. В нём Приёмыхов сразу узнал К. Числова. Поздоровались.

— Нучто, Константин Андреевич, пойдём в зал?

— Думаю воздержаться. Пока у нас есть ещё пяток минут, пойдук Николаю, поклонюсь...

Капитан-лейтенант возражать не стал. А только проводил взглядом гостя, который снял форменную фуражку и широким уверенным шагом направился к памятнику Герою Советского Союза старшине первой статьи Николаю Вилкову.

...Военных моряков, желающих послушать рассказ о службе и участии в Курильском десанте на острове Шумшу в 1945 году Николай Вилкова и Константина Числова, оказалось изрядно. Во вместительном помещении лишь несколько одиноких коричневых кресел были свободны.

Как только Константин Андреевич поднялся на сцену, зал взорвался мощными аплодисментами.

— Ну что вы, товарищи, так?..

Когда в помещении установилась тишина, Числов подошёл к трибуне и микрофону.

— Товарищи, о своих дружеских и служебных отношениях с Николаем Вилковым

в вашем соединении я рассказывал не раз. Возможно, кто-то из присутствующих уже и слушал об этом. Но я, по вашей настойчивой просьбе, повторюсь. Прежде несколько слов о жизни Николая до службы на флоте.

Числов перевёл дух и продолжил:

— Так вот. После окончания Горьковского речного техникума он весь навига-

Н. А. Вилков. 1941 год

ционный период 1939 года проработал на Ангаре старшим помощником капитана вначале грузового, а потом пассажирского пароходов. Флотская профессия Николаю пришлась по душе. Потому к делу он относился весьма скрупулёзно и ответственно. За это его хвалили, ставили в пример другим. А когда на Ангаре пришла ранняя зима, Иркутский городской военкомат призвал Вилкова на военную службу. После нескольких организационных дней небольшая группа сибирских парней оказалась на Тихоокеанском флоте.

— Как сообщал Николай в своих редких письмах домой, — звучал чистый ровный голос гостя, — служба ему очень нравилась. Поэтому и результаты были налицо: не раз побеждал в шлюпочных гонках здесь, по бухте Крашенинникова, раньше других моряков ему присвоили очередное воинское звание старшины первой статьи, повысили в должности — перевели со сторожевого корабля на плавбазу соединения старшим

боцманом. Словом, авторитет старательного и настойчивого Вилкова рос не по годам, а прямо-таки по месяцам.

Константин Андреевич взглянул на увеличенный портрет «нестареющего» друга, что находился на задней стенке занавеса, и чуть громче сказал:

— А познакомились мы с Николаем в сорок первом году, буквально перед войной. К этому времени меня только призвали, а он уже служил второй год. Флотское боцманское дело знал превосходно. Любое задание выполнял безукоризненно. Этому учил и подчинённых. «В службе, — не раз замечал Вилков, — главное де-

ло — последовательность и стремление добиваться большего...». Следуя и сам этому принципу, Николай всегда находился в движении, был прямо нацелен на различные предложения, задумками, идеями, как лучше организовать боцманское заведование в масштабе корабля и его отдельных мест. И хотя по характеру мы были мало схожи, зато по отношению к службе сблизились. Позже много раз обсуждали различные нестандартные боцманские ситуации, катались на лыжах, занимались спортом, ходили в увольнение в город.

К. Числов вдруг отчётливо вспомнил, как в одно из солнечных весенних воскресений сорок третьего года они с Николаем неспеша прохаживались по узким улочкам Петропавловска. Искренне удивлялись изогнутым ка-

менным безлистным берёзам и чуть приметной зелёной щетине появляющейся на южных склонах сопки хрупкой травы. А когда на противоположной стороне улицы показалась небольшая часовня с рядом старинных пушек, Вилков тронул друга за локоть:

— Подойдём...

Числов кивнул головой. И военные моряки поднялись по каменным ступенькам к часовне. Здесь, у пушек под крестом они увидели плиту, на которой старательно было выбито: «Памяти убитых при отражении англо-французов 24 августа 1854 года. Мир праху вашему...».

— Да, — прижимая к груди бескозырку, вполголоса проговорил в тот день Николай, — они тоже, наверное, тогда хотели попасть на Чёрное море, где шла война. Но руководство правильно решило — оставило их здесь. Ведь в военное время вся граница страны должна надёжно охраняться, а не только та часть, где идут бои.

Затем друзья-краснофлотцы прошли по извилистой дороге на сопку и оказались на небольшой площадке. Их взору открылась ровная гладь Авачинской бухты.

ДВА ГЕРОЯ,

с просьбой отправить нас на фронт. Но и в этот раз нам отказали. Честно говоря, мы просились в бой не потому, что служба была лёгкой. Отнюдь. Нам хорошо было известно, что за Первым Курильским проливом, в нескольких милях от Кам-

падения на наш полуостров. Именно поэтому занятые японцами Курильские острова в своей захватнической пропаганде они не раз называли «мечом, направленным в грудь Камчатки». Остриём же этого «меча» как раз и был определён остров Шумшу. А поскольку такая напряжённая обстановка сложилась здесь, на востоке страны, то на кораблях готовились к неминуемым боям и днём и ночью. В любую погоду. Да и вообще, вся наша жизнь тогда строилась по законам военного времени. И даже когда в Моск-

десантных кораблей. А когда вернулся из командировки, Вилков сообщил, что он уже не старший боцман плавбазы «Север», а помощник командира взвода передового десантного отряда в роте морской пехоты старшего лейтенанта Ивана Кашея. Я же так и остался боцманом на «пригнанном» «десантнике», втайне надеясь на короткую разлуку с другом. Но судьба распорядилась иначе.

Числов переступил с ноги на ногу и, обхватив крепкими руками боковины крышки массивной трибуны, заговорил громче и увесистее:

— Рано утром 18 августа 1945 года, разрезая морось и прибрежный туман, первые десантные корабли тихо подошли к острову Шумшу. Я вместе с подчинёнными сразу же начал обеспечивать высадку десанта на берег. Вскоре беззвучный и молчаливый остров будто взорвался от сплошного гула артиллерийской стрельбы и пулёмётных очередей. Огненным смерчем ошетилилась малоразличимая земля. Бесперывные султаны воды поднимались рядом с кораблём. В один из взрывов была перебита десантная сходня. Моряки начали прыгать в воду прямо с борта. Откатные волны накрывали некоторых из них прямо с головой. Но морские пехотинцы всё же выбирались из океанского прибое и устремлялись к японским траншеям. «А ведь среди них где-то там и Николай», — подумал я тогда сочувственно...

Далее Константин Андреевич по рассказам очевидцев поведал, как погиб его друг в бою на склоне высоты 171,0.

...Роте моряков старшего лейтенанта Ивана Кашея была поставлена задача идти на штурм господствующей высоты 171,0 острова Шумшу. Около пяти часов отважные воины в кровопролитной схватке с японцами продвигались к заветной вершине. А когда десантники приблизились к открытой площадке и кое-кто уже подумывал о близкой победе, по морякам вдруг ударили вражеские пулемёты из притихшего двухамбразурного дота. Рота залегла. Создавалась предпосылка срыва атаки. Промедление было смерти подобно. И в это критическое для наступающих время, лавируя между

(Окончание на 28-й стр.)

К. А. Числов у памятника Н. Вилкову (п. Рыбачий)

Хотя на дворе по календарю была уже середина весны, величественный зеркальный океанский залив был взят едва ли не в замкнутое кольцо белоснежных выступов гор. По всей спокойной бухте неподвижно стояли одинокие крохотные корабли. А рядом, на сопке, такие непривычные материковскому взгляду, с волнистым стволом, ещё безлистые, избитые шквальными ветрами и неистовыми дождями белоствольные каменные берёзы.

Константин Андреевич почувствовал, как неожиданно у него запершило в горле. Он взял стакан, что стоял рядом с приземистым выпуклым графином, налил воды. Сделал два полных глотка, откашлялся.

— После посещения в городе часовни, — продолжил рассказчик, — не сговариваясь, мы с Николаем снова написали рапорты

чаты, расположен остров Шумшу. На нём японцы сосредоточили около двадцати тысяч солдат и офицеров, большое количество артиллерии, шестьдесят танков и ещё много другого вооружения и военной техники. Вся эта агрессивная мощь создавалась для на-

ве отгремели залпы салюта Победы, напряжение в воинских частях и на кораблях оставалось без изменений. Окончательно я понял, что и нам придётся применить боевое оружие, когда с группой моряков получил приказ об убытии к союзникам за получением у них

ДВА ДРУГА, ДВА ГЕРОЯ, ДВЕ СУДЬБЫ...

(Окончание.)

Начало на 26—27-й стр.)

складками местности, к огненным вспышкам пополз старшина первой статьи Николай Вилков. Следом неотрывно передвигался «ужом» матрос Пётр Ильичёв.

Вот уже менее десяти метров осталось до зловещего дота. Старшина приподнялся на колени и бросил гранату. На какое-то время пулемёт смолк. Десантники поднялись в атаку. Но вскоре снова затарахтели пулемёты. Превозмогая боль раненой левой руки, Вилков с трудом бросает вторую гранату. Это же сделал и Ильичёв. Однако не успела рота сделать и несколько шагов, как её снова прижали к земле свистящие пули.

И тут все увидели, как поднялся на ноги Николай Вилков, продвинулся несколько шагов вперёд и медленно навалился на левую амбразуру несмолкающего дота. Правую же — закрыл своим телом Пётр Ильичёв.

Громовое «Ура!» потрясло склон высоты 171,0. Моряки мощным океанским валом бросились на врага и овладели «неприступной крепостью» острова Шумшу.

— На следующий день, 19 августа, — заговорил после небольшой паузы Числов, — десантные корабли вернулись в Петропавловск. На берегу духовой оркестр торжественно играл марш, а на душе у меня было неспокойно. Тревожная мысль не покидала ни на минуту: как там на острове дела у Николая? Мы хорошо знали, что в это время на Шумшу основной бой уже закончен. Оставались отдельные небольшие очаги сражения. Наши войска уверенно освобождали родную землю. Японским захватчикам не помогли ни самолёты, ни танки, ни бетонные огневые точки, ни километровые траншеи, создававшиеся годами.

Вместе с тем надо помнить, что почти каждый метр отвоеванной островной земли стоил жизни кого-либо из тихоокеанцев-десантников. Там, к великому сожалению, остановилось и горячее сердце Николая Вилкова.

Спустя несколько лет, в честь тридцатилетия освобождения Курил недалеко от места подвига военных

моряков был воздвигнут памятник — две белёсые бетонные волны поднялись к небу. Здесь же на небольшой металлической табличке выбиты имена Героев Советского Союза Николая Вилкова и Петра Ильичёва.

Гость замолчал. Он обвёл взглядом притихший, внимательный зал, чуть отклонился от трибуны.

— А правду у нас говорят, что вы работаете на траулере, который называется «Николай Вилков»? Расскажите, как это произошло.

Константин Андреевич приподнял густые брови на белобрысого матроса в первом ряду и тихо произнёс:

— Не врут. А получилось это несколько лет назад. Рыбачил я в то время на однотипном судне «Соликамск».

Иду как-то после очередного рейса по пирсу и вдруг вижу до боли знакомое имя на борту одного из траулеров: «Николай Вилков». Вид у корабля был, мягко говоря, неважный: запущенный, неопрятный. Словом — необхожденный. Мне стало не по себе. «Николай — и в таком виде? Это несправедливо и неестественно», — подумал я тогда, проходя мимо «железного друга». А через несколько дней на совещании у начальника базы тралового флота услышал слова диспетчера: «Отстаёт с планом только СРТР (средний рыболовный траулер рефрижератор) «Николай Вилков». Слова резанули мой слух и тяжёлым эхом осели где-то глубоко в груди. «Неправда, — хотелось крикнуть, — Николай никогда не был последним. Он всег-

да был впереди. Не в его характере прятаться за спины других. А тем более плестись в хвосте!». Спустя пару минут, глянув на присутствующих капитанов, я поднялся с места и попросил: «Переведите меня на «Вилков». Соратники капитаны и начальники всячески уговаривали меня не делать этого. Но я настоял на своём: не мог оставить имя друга опозоренным. И получилось, что через 25 долгих лет мы снова встретились с Николаем. Только теперь я был в качестве капитана, а он — имени на борту сугобо мирного корабля.

Потом Числов сообщил, что после ряда организационных и технических мероприятий рыболовный траулер «Николай Вилков» под его командованием вышел в море

в свои силы и опыт стойкого командира судна, рыбаки действительно и находили, и добывались все новых успехов.

Ловили вилковцы не только сельдь, но и минтай, лососёвые породы рыбы, камчатского краба. И, как говорили, им чаще других судов «везло». А всё потому, рыбаки, когда надо, трудились неистово, жадно. Да и сам капитан работал не щадя сил. В море отдыхал не более трёх часов подряд. Он и после службы твёрдо придерживался нестареющего флотского принципа: «Делай, как я!».

— Благодаря такой титанической работе людей, — звучал в зале чуть хриловатый голос капитана дальнего плавания, — экипаж не только перекрыл плановое задание предыдущих двух лет по вылову рыбы, но и выступил в числе инициаторов завершить девятую пятилетку за четыре года. Конечно, были и сомневающиеся. Но мы позже делом доказали, что вилковцы слов на ветер не бросают.

— А как насчёт Звезды Героя, Константин Андреевич? — уловив момент паузы, снова подал голос матрос из первого ряда.

— Было и такое, — улыбнулся Числов и провёл широкой ладонью по сидящей шевелюре. Но, поверьте, что я тогда больше порадовался не за себя, а за нас с Николаем двоих. До этого времени при переходе Первого Курильского пролива на душе у меня было неспокойно. Как у человека, четверть века держащего при себе долг другу. А как стало известно о награждении меня Золотой Звездой Героя Социалистического Труда, состояние моё изменилось. Теперь в очередной рейс проходил мимо могилы боевого собрата с чистой совестью. Потому и был на ходовом мостике при полном параде и, глядя на остров, шёпотом сказал: «Знай, друг, что мы с тобой и сегодня в числе передовых».

Константин Андреевич умолк. В просторном зале на время установилась тишина. Но как только гость поклонился слушателям, раздался гром несмолкаемых аплодисментов...

Фото
из архива
Н. Сафонова

ловить рыбу. К счастью, им сразу повезло. Уже на третий день январской путины в трюмы судна было спущено несколько десятков центнеров рыбы. Местный кок это событие не оставил без внимания. Вечером, когда в кают-компании собрались изголодавшиеся промёрзшие товарищи, после фирменной вкуснейшей жареной рыбы, он преподнёс огромный торт с фигурной надписью: «С первым уловом!». Константин Андреевич не оставил ни одного рыбака без торта.

Позже, конечно, были и серые, и чёрные дни. Но капитан сам мрачнел, а экипаж всегда настраивал на уверенность. При этом повторял хорошо известные слова: «Кто хочет, тот добьётся, кто ищет, тот всегда найдёт!». И, поверившие